

Константин Константинович Вагинов (Вагингейм) (1899-1934).

Издание - Константин Вагинов, "Гарпагониада", издательство "Ardis", Ann Harbor, США, 1983.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 13 мая 2002.

Оригинал находится здесь: <http://www.belousenko.com>.

ГАРПАГОНИАНА

Роман

ГЛАВА 1 СИСТЕМАТИЗАТОР

Коренастый человек с длинными, нежными волосами, в расстегнутой студенческой тужурке, с обтянутыми черной материей пуговицами, в зелено-голубоватых потертых диагональных брюках сидел за столом на кухне.

Стол освещала электрическая лампочка, висящая на шнуре. Перед человеком лежали: ногти остроконечные, круглые, женские и мужские различных оттенков. На каждом ногте чернилами весьма кратко было обозначено, где, когда ноготь срезан и кому он принадлежал.

Была глубокая ночь.

Дочь и жена сидевшего за столом человека давно уже спали.

И то, что все спит вокруг, доставляло бодрствующему невыразимое наслаждение.

Он перебирал ногти, складывал в кучки, располагал в единственно ему известном порядке.

Нет, собственно, и ему неизвестен был порядок, он искал его, он искал признаков, по которым можно было бы систематизировать эти предметы.

Он брал ногти на ладонь и читал надписи:

Самарканд Саратов Астрахань

1921г. 1922г. 1926г.

Копошевич Улунбеков Карабозов

Осторожно перетирал тряпочкой.

Он был горд, он предполагал, почти был уверен, что никто в мире, кроме него, не занят разрешением некоторых вопросов.

Один ноготь от движения его руки соскользнул со стола и упал на пол.

Сидевший переменился в лице.

Под столом было темно и пыльно.

Бодрствующий присел на корточки; но не увидел ногтя.

Злобствуя и ругаясь, зажег спичку. Он боялся раздавить ноготь. Осветив пол, он еще больше испугался. В полу оказались трещины и щели.

Но к счастью ноготь Улунбекова нашелся. Он мирно лежал у стены. Одно неловкое движение и ноготь провалился бы в щель.

Торжествуя, человек поднялся, стал сдвигать с предмета пыль, протер его тряпочкой и осторожно, как святыню, положил в коробочку.

Снова сел за стол и задумался.

Неся ногти в абиссинских резных коробочках, человек прошел закоулок, где стояла недорогая дореволюционная энциклопедия, и вошел в свою комнату. Комната была необычайно узка (ее можно сравнить с отрезком коридора) и до предела насыщена влагой. Сыро в ней было до такой степени, что две стены были буквально обнажены от обоев. Серая штукатурка была почти мягка.

У стены, лишенной обоев, стояла, вплотную, его кровать с серыми влажными плоскими подушками и суровым, не менее влажным одеялом.

У покрытого льдом окна -- коробки, сундучки и фанерные ящики из-под фруктов. На отжившем расклеившемся письменном столе -- конвертики, свертки, пузырьки, книжки, каталоги, владельцем комнаты самим сочиненные.

В шкапу хранились бумажки, исписанные и неисписанные, фигурные бутылки из-под вина (некоторые из них должны были изображать великих поэтов, писателей, деятелей науки, политики), высохшие лекарства с двуглавыми орлами, сухие листья, засушенные цветы, жуки, покрытые паучками, бабочки, пожираемые молью, свадебные билеты, детские, дамские, мужские визитные карточки с коронами и без них, кусочки хлеба с гвоздем, папиросы с веревкой, наподобие рога торчащей из табаку,